

И когда уже казалось, что инцидент вот-вот будет исчерпан, репортёр из "Новой развлекательной недели" вновь нанёс удар.

– В нашей стране до сих пор не признан законный статус гомосексуальных отношений, и это вовсе не означает, что я или моя редакция дискриминируем гомосексуалов. Но если Я Тун так остро переживает эту тему, не значит ли это, что он сам принадлежит к их числу?

Шань Я Тун спокойно улыбнулся:

– Должен ли я похвалить этого коллегу за его знание законов и острую реакцию? – он поправил микрофон, отрегулировав его высоту. – Я всего лишь хотел сказать, что любовь не бывает ошибочной. Тот факт, что однополые отношения пока не имеют законного признания, не мешает им существовать.

– Значит, ты всё-таки признаёшь, что ты гомосексуал? – репортёр наседавал с неослабевающим напором.

– Если я понимаю гомосексуалов, значит ли это, что я сам гомосексуал? – парировал Шань Я Тун. – Тогда, если Вы понимаете свою девушку или жену, Вы, выходит, женщина?

Зал разразился дружным хохотом; напряжённая атмосфера заметно разрядилась. Репортёр на мгновение растерялся, не найдя слов для возражения.

Шань Я Тун смягчил тон:

– Я понимаю, что журналисты проявляют заботу о нас, артистах, и я искренне благодарен всем вам за это. Только, пожалуйста, не делайте доброе дело во вред. А то вдруг мне понравится какая-нибудь красавица, а она из-за этих слухов откажет мне в ухаживаниях – вот я буду в отчаянии! – он развёл руками, изобразив сокрушённый вид.

Репортёры вновь оказались увлечены новой темой, подброшенной Шань Я Туном. Что касается журналиста из бульварного издания, его взгляд заслонили несколько внезапно возникших перед ним репортёров. Даже если бы он попытался задать ещё один вопрос, у него не было бы ни малейшей возможности. Он уже собрался крикнуть что-то, как вдруг в живот ему врезалось что-то тяжёлое – он поднял голову и увидел объектив фотокамеры, принадлежащей одному из операторов.

– Что уставился? Отойди, не мешай. В этом мире надо держать глаза открытыми, – холодно бросил репортёру другой фотограф, протиснувшись вперёд.

Шань Я Тун, сидевший выше журналистов, прекрасно видел эту сцену. Он чуть заметно улыбнулся и перевёл взгляд на другую сторону:

- У кого-нибудь ещё есть вопросы ко мне?

Отношение журналистов заметно смягчилось, и следующие вопросы были уже гораздо более доброжелательными.

- Я Тун, ты снимаешься в фильме вместе с молодым королём сцены. Каково это - впервые оказаться перед камерой в таком проекте?

Шань Я Тун на мгновение задумался:

- Если описать двумя словами, то это, наверное, радость и новизна. Радость - потому что мне выпала возможность, которой удостаиваются немногие новички: работать с режиссёром мирового уровня и играть вместе с братом Сяо - это невероятная удача. А новизна - потому что, будучи новичком, я никогда не имел подобного опыта. Хотя съёмки оказались тяжелее, чем я предполагал, всё это кажется невероятно захватывающим. Это совсем не похоже на съёмки клипов, и я уверен, что этот фильм не разочарует зрителей, а, напротив, подарит им множество неожиданных открытий.

Шань Я Тун говорил ясно и логично, это совсем не походило на речь новичка, только что пришедшего в профессию, - скорее на слова бывалого ветерана, прошедшего через огонь и воду шоу-бизнеса. И как раз эта его манера заставляла журналистов верить каждому его слову.

Люди всегда верят своей интуиции, как бы ошибочна она ни была.

Лу Фань всё это время молча наблюдал за тем, как юноша с лёгкостью лавирует среди каверзных вопросов. И чем дольше он смотрел, тем сильнее убеждался: этот парень был ниспослан небом, чтобы искупить его судьбу. Он непременно снова выведет в люди самую яркую звезду.

- Я Тун, - раздался голос одного из репортёров, вновь поднимающего щекотливую тему. - Что бы ты хотел сказать по поводу недавних заявлений Юань Вэня?

Шань Я Тун мягко постучал пальцами по столу, изображая раздумье, и на его лице появилось слегка озабоченное выражение:

- Что я могу сказать... Хм... - он слегка приподнял голову, и в мягком свете софитов его лицо выглядело удивительно беззащитным. - Да, собственно, мне нечего сказать. Наверное, в его глазах я действительно такой. В нашей группе я всегда был обузой, постоянно создавал ему проблемы. Просто раньше мы были в одной компании, поэтому он мирился со мной, с этим вечным обузой.

Журналисты переглянулись в недоумении. Они ожидали грандиозной словесной баталии, но вместо этого их встретил лишь глухой удар о вату (1)? Вместо сенсации - мягкая,

ускользающая ткань.

Отсутствие открытой войны разочаровало каждого. Конфликт – это сенсация, сенсация – это материал, материал – это гонорары. Им почудилось, как китайские юани улетают прочь прямо у них из рук.

Ян Цзюнь, стоявший в незаметном углу, мысленно закатил глаза. Ну конечно, этот тип опять прикинулся невинной овечкой. В его словах было столько скрытых смыслов, что теперь журналисты, оставшись без готовой сенсации, вынуждены будут выискивать в этих фразах "глубинный подтекст", чтобы сдать хоть какой-то материал. И от того, какой образ Юань Вэня вырисуют перья репортёров, зависит очень многое. Остаётся надеяться, что репутация Юань Вэня в прессе была более или менее сносной.

Журналисты задали ещё несколько вопросов, но Шань Я Тун с лёгкостью, словно играя в тайцзи, уводил каждый из них в сторону, пока они не теряли всякую остроту. Наконец пресс-конференция подошла к концу.

Отойдя за кулисы, Шань Я Тун обессиленно опустился на диван и, закрыв глаза, потёр виски:

– Ян Цзюнь, принеси мне красного чаю.

Кто-то поставил ему в руки чашку с тёплым напитком. Почувствовав тепло, он устало улыбнулся:

– Спасибо, – открыв глаза, он увидел перед собой мужчину необычайно благородной внешности, который с улыбкой смотрел на него. Очевидно, чай подал именно он.

Шань Я Тун взял чашку в обе ладони и мягко улыбнулся:

– Здравствуйте. Благодарю Вас.

– Ты выступил весьма достойно, – мужчина скрестил руки на груди, прислонился к стене и с лёгкой, но острой улыбкой рассматривал Шань Я Туна.

Шань Я Тун опустил взгляд, затем поднял голову, изобразив на лице недоумение:

– Выступил?

– Ха, – мужчина, казалось, ничуть не был обманут его притворством, он задумчиво провёл пальцем по гладкому подбородку. – Ты в самом деле не понимаешь, о чём я?

Шань Я Тун принялся рассеянно вертеть в руках чашку, рассматривая облачный узор на её поверхности:

- А что именно Вы хотите, чтобы я понял?

Лу Фань уже собрался толкнуть дверь в комнату отдыха, как вдруг его рука замерла. Через приоткрытую створку ясно доносились голоса. Один принадлежал Шань Я Ту, а второй... его собственному боссу, Тан Жуань Цину.

Ян Цзюнь, следуя за ним, уловил его движение и благоразумно замедлил шаг, остановившись позади.

- Ты неплохо умеешь обращаться с журналистами, - раздался голос Тан Жуань Цина, в котором слышались нотки веселья. - Новичок, а справляешься лучше некоторых звёзд первой величины. Поистине неожиданный сюрприз.

Лу Фань не удержался и приоткрыл дверь чуть шире, чтобы видеть, что происходит внутри.

- Здесь больше удивления или больше радости? - Шань Я Тун сделал глоток чая, поставил чашку на журнальный столик, поднялся и, протянув руку, улыбнулся: - Очень рад познакомиться с Вами, господин президент.

- Я тоже, - Тан Жуань Цин ничуть не удивился тому, что его узнали. Он пожал протянутую руку и вдруг, наклонившись, прошептал ему на ухо: - Я жду от тебя ещё более ярких выступлений.

Это был намеренно двусмысленный жест - со стороны двери казалось, что Тан Жуань Цин целует Шань Я Туна в щёку.

- Я постараюсь Вас не разочаровать, - ответил Шань Я Тун, словно вовсе не замечая, насколько неоднозначно выглядит их поза. Он просто смотрел на Тан Жуань Цина с той же лёгкой улыбкой.

Оба улыбались друг другу, затем отступили на шаг.

- Ты очень похож на одного человека, - неожиданно произнёс Тан Жуань Цин.

- Я всегда считал, что я - человек, - отпарировал Шань Я Тун с натянутой улыбкой. - Или, по-вашему, господин Тан, моя внешность лишь отдалённо напоминает человеческую?

- Ты, конечно, прекрасный юноша, - продолжал Тан Жуань Цин. - Но по сравнению с тем мужчиной ты больше тяготеешь к андрогинности. Мне очень интересно: что бы сказал тот

гордый, надменный человек, если бы узнал, что какой-то девятнадцатилетний парень сумел воспроизвести созданный им классический образ?

Улыбка исчезла с лица Шань Я Туна. Он прекрасно понимал: Тан Жуань Цин явился сюда не для того, чтобы предаваться воспоминаниям о прошлом. Если бы это было так, он не был бы Тан Жуань Цином.

Внезапно он повернул голову в сторону полуприкрытой двери и встретился взглядом с Лу Фанем.

Их глаза встретились, и Шань Я Тун увидел, как Лу Фань осторожно прикрыл за собой дверь.

Лу Фань закрыл дверь и, нахмурившись, взглянул на неё: неужели Шань Я Тун знал, что они с Ян Цзюнем всё это время стояли за дверью?

- Что случилось? Он нас заметил? - спросил Ян Цзюнь, заметив его изменившееся лицо.

- Иногда ассистент, знающий слишком много, - это не всегда хорошо, - ответил Лу Фань, мельком взглянув на него, и развернулся, чтобы уйти.

Ян Цзюнь на мгновение замер, уловив скрытый смысл в его словах, и решил сделать вид, что ничего не слышал, направившись в другую комнату отдыха.

Лу Фань был далёк от того спокойствия, которое пытался сохранить Ян Цзюнь. Он знал то, чего не знал тот: Тан Жуань Цин никогда не вступал в близкое общение с артистами своей компании. Но он сам подошёл к Шань Я Туну, и выбрал для этого частную встречу. А когда глава развлекательной компании ищет личного контакта с артистом, причины обычно бывают... вполне определёнными.

Несколько лет назад в Корее разразился громкий скандал на эту тему; одна актриса даже покончила с собой. И хотя шум вокруг тех событий стоял невообразимый, в итоге всё сошло на нет, словно ничего и не было.

В этом мире так называемые "негласные правила" (2), когда богатые покровители пользуются молодыми артистами, - явление более чем обычное. Но Лу Фань не ожидал, что на этот раз в центре окажется Тан Жуань Цин и Шань Я Тун.

Когда дверь закрылась, Шань Я Тун обернулся к Тан Жуань Цину:

- Что Вы имеете в виду, господин Тан?

Тан Жуань Цин устроился на том месте, где только что сидел Шань Я Тун, и, улыбнувшись,

спросил:

- Ты удивительно чувствителен. Одного твоего намёка оказалось достаточно, чтобы подслушивающие ушли.

- Полагаю, даже если бы я этого не сделал, Вы бы сами позаботились, чтобы они ушли, - ответил Шань Я Тун, опускаясь в соседнее кресло.

Тан Жуань Цин пристально разглядывал юношу, сидящего вполоборота, с той знакомой улыбкой на губах. Он перевёл взгляд за окно - с двенадцатого этажа открывался вид лишь на бесконечные башни небоскрёбов. Что же скрыто от человеческого глаза, например... легендарные души?

- Ты по-прежнему великолепно играешь в тайцзи, Цзин Ань Цзюэ.

Он услышал собственный голос - голос, произнёсший эти слова с поразительным спокойствием.

---

1. 软绵绵 (ruǎn mián mián de mián huā) - мягкая, пушистая вата - образное выражение, означающее, что усилия противника разбиваются о мягкое, податливое сопротивление, не встречая твёрдого отпора.

2. 潜规则 (qián guīzé) - дословный перевод - негласные правила - это термин, получивший широкое распространение в современном китайском обществе для обозначения коррупционных, неформальных, неписаных, но широко практикуемых правил и схем взаимодействия, особенно в шоу-бизнесе и деловой среде. Чаще всего, однако, используется как эвфемизм для сексуальных домогательств и принуждения к интимной связи со стороны начальника или более влиятельного лица по отношению к подчинённому (обычно - к подчинённой) в обмен на карьерное продвижение, получение роли, контракта или иных благ.

<http://bllate.org/book/18097/1736825>